

629 г. становится официальным титулом византийских императоров, равнозначным латинскому *imperator*: в официальных актах, написанных на латинском языке, формуле *πιστοὶ ἐν χριστῷ βασιλεῖς* всегда соответствует *fideles in Deo imperatores*.

Этот титул, полагали византийские правители, принадлежит „законно“ только византийскому императору, стоящему во главе „всемирной“ монархии.

Каким языком императорская канцелярия характеризовала Византийскую империю, показывает письмо Романа Лакапина египетскому эмиру Ихшиду. Мы читаем в этом документе: „Ты познал и от многих других слышал о высоте и величии царства ромеев, о том, что оно является самым сильным на земле, о том, какими богатствами и земными благами оно владеет“.¹

Византия, в представлении Константина, как уже было сказано, — всемирная монархия; в силу этого она сохраняет право на все территории, которыми когда-либо владела. Поэтому Константин в своей книге говорит и о северной Африке, и об Италии, и об Испании, подчеркивая, что эти земли некогда принадлежали империи. Задача императора — вернуть потерянные территории. Поэтому, по мысли Константина, императора должны прежде всего занимать вопросы внешней политики. Внутреннее благосостояние страны рассматривается им как нечто, стоящее на втором плане, потому что в качестве необходимого своего условия предполагает внешнее могущество государства. Но необходимость заставляет исходить не из отвлеченных теорий, а из опыта, заставляет считаться с фактическим положением дел. В „*De administrando imperio*“ нет места отвлеченным теориям. Политика, говорит Константин, получает ценность в зависимости от того, насколько она обоснована фактическим положением дел. С этим-то фактическим положением дел в вопросах международной политики Константин и хочет познакомить своего наследника.

Сопредельные страны привлекают внимание Константина VII не в одинаковой мере. Больше места уделяется, естественно, арабским странам, с которыми Византия вела вековую непримиримую борьбу (главы 15—23). В X в. в Византии были распространены пророчества о близкой гибели сарацинского мира, и когда назначенный срок проходил без изменения, устанавливались другие сроки.² Не без связи с этим в собранном Константином материале, представляющем главным образом выписки из Феофана, обращается внимание на гороскоп (*Ζευχύλιον*) Стефана Математика, согласно которому могущество арабов должно было продолжаться всего 309 лет. Его падению должен был предшествовать период анархии в 56 лет.

Очень много внимания в книге Константина уделено западной части Балканского полуострова (главы 29—36-я) — Далмации, Хорватии, Сербии. И этот интерес отнюдь не носит чисто „академического“ характера: после заключения византийско-болгарского мира 927 г. Византия развивала лихорадочную деятельность в этих областях (и при Романе Лакапине и при Константине), оказывала всяческую поддержку Чеславу, чтобы подчинить сербские земли византийскому влиянию, закрепить это влияние в Сербии и противопоставить Сербию Болгарии.³

¹ Ρομανοῦ βασιλέως ἐπιστολαί. Δελτίον, t. I, 1889, p. 406—409.

² Sky litza (Cedrenus), t. I, p. 717; J. В. Вугу. Уж. соч., стр. 534.

³ В. Н. Златарски. История на първото Българско царство, ч. 2, София. 1918, стр. 540—541.